

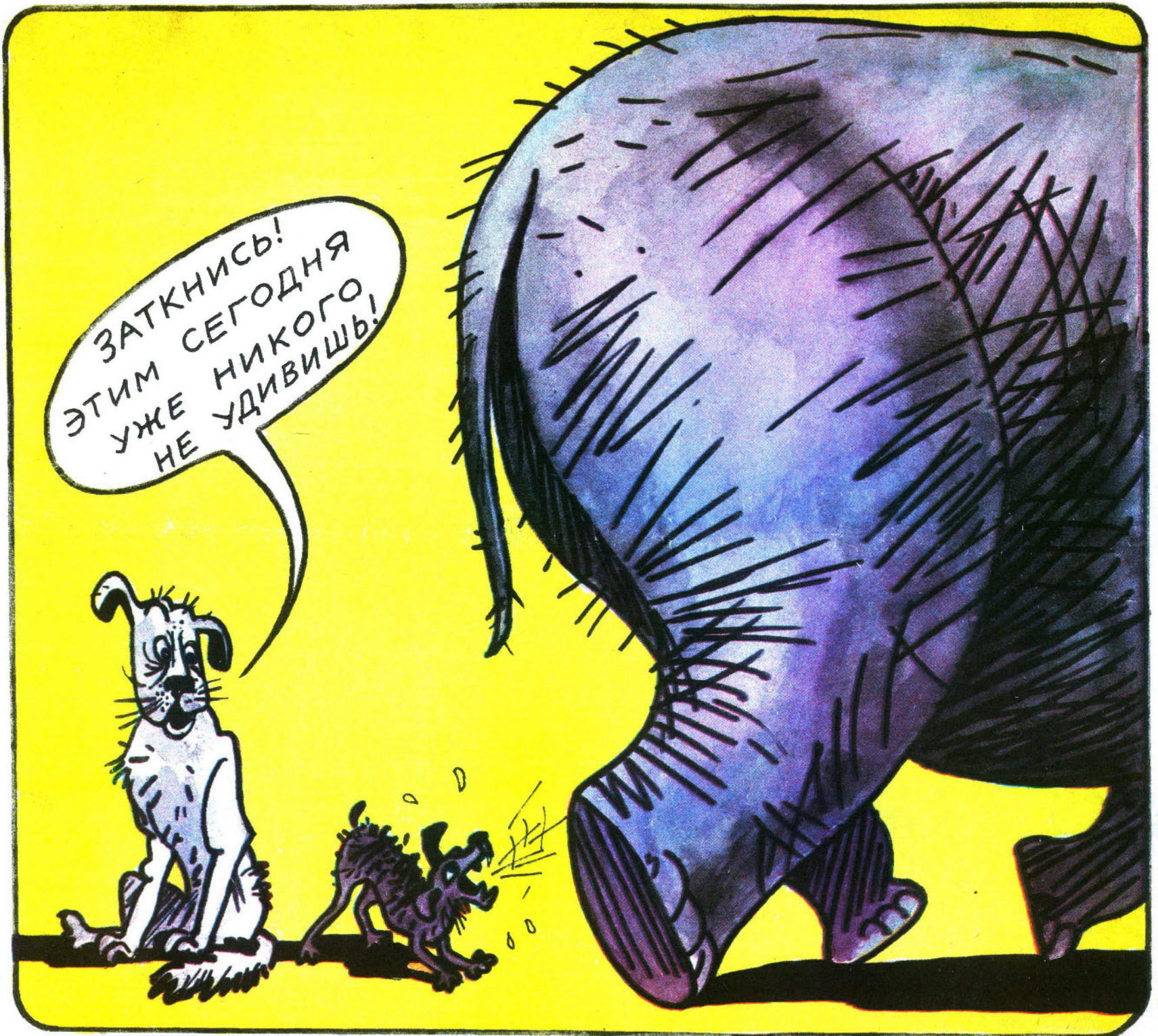

КРОКОДИЛ

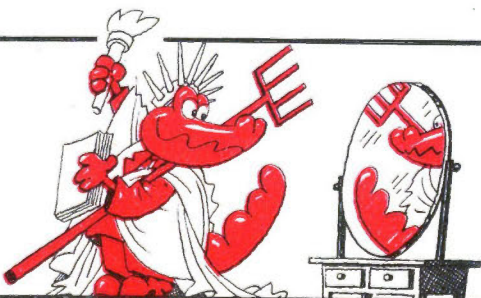
ISSN 0130-2671

№ 23

АВГУСТ 1989

С. СПАСКИЙ, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

Что вывез наш корреспондент из Америки?..

Стр. 13.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПРАВОСУДИЕ

О том, как сотрудник милиции с помощью приема самбо задержал студентку музыкального училища

С демократией у нас все в порядке. Ее объявили. К гласности народ призвали: говорите, мол, что думаете, критикуйте недостатки, требуйте справедливости и возьмите, наконец, свои неостребованные гражданские права. В газетных публикациях, телепередачах и выступлениях известных политологов эти призывы звучат убедительно и мелодично. А недоразумения происходят. И причина, мне кажется, заключается в том, что пылкие трибуны и теоретики прав человека забывают вовремя сделать гуманные примечания, разъяснения и дать советы. Например, такие: «Мамаши, заприте на время перестройки своих несовершеннолетних детей. Пусть пересидят этот исторический момент в домашнем уюте, а навыки гласности пусть приобретают в перебранке с любящими родственниками». То же самое можно бы посоветовать многодетным матерям, пенсионерам, беременным женщинам и просто слаборвным и чересчур любопытным гражданам. Для последних события нынешних дней иногда оборачиваются катастрофой. Идут себе по улице, увидят толпу и, не задумываясь, в силу привычки, сформированной дефицитом, начинают протискиваться внутрь — посмотреть, что дают. А там ничего не дают. А там ничего не дают, там митингуют. Могут дать, когда человек попытается выбраться, а вокруг него уже милицейской оцепление.

Анализу подобные ситуации практически не поддаются, поскольку и те, кого берут, за перестройку, и оцепление за нее, и случайные, подвернувшиеся под милицейскую руку прохожие — не против. Собственно, во многих случаях уже не до анализа, голову сломаешь в поисках выхода из штабелей наломанных дров.

...Это воскресенье, 12 марта 1989 года, семнадцатилетняя москвичка, студентка первого курса музучилища имени Гнесиных Юлия Бедерова запомнит, видимо, на всю жизнь. Сбылась мечта детства: получить свою тридцатирублевую стипендию, она впервые поехала в Ленинград вместе с другом семьи В. Тодресом. Они бродили, любовались, восхищались... В переулке Крылова у входа в 27-е отделение милиции Куйбышевского района в три часа дня наткнулись на толпу — человек 100—150, — в которой в меру возбужденно переговаривались о чем-то люди разного возраста и пола. Московские гости остановились и прислушались. Толпа требовала освобождения членов Демократического союза, арестованных утром во время митинга у Казанского собора. Кстати, митинг этот, посвященный предвыборной кампании, который во всех документах суда и милиции будет называться «неразрешенным», на самом деле был санкционирован властями, участникам только порекомендовали выбрать место попроще, а «загораживающую» ситуацию Казанского собора. Наша несовершеннолетняя героиня этих подробностей не знала. Она стояла в переулке Крылова по соседству с толпой, а ее друг мирно перекинулся несколькими словами с сержантом милиции. Этого сержанта Юлия Бедерова до сих пор мечтает найти, хотя не знает ни его имени, ни фамилии. Она и лицо его помнит смутно, но уверена, что узнала бы его: «Глаза у него такие хорошие. Он видел, что мы ничего плохого не делали». Юлия считает этого человека своим единственным свидетелем и возможным спасителем.

Хорошими глазами сержанта милиции завершается ленинградская элегия для московской студентки музучилища. Дальше началось то, что домашней, воспитанной и прилежной девочке, на которую за ее семнадцать лет никто голоса особенно не повысил, не могло присниться в ночном кошмаре. За спиной раздалась команда: «Всем выйти из оцепления!» Юлия с товарищем повернулись, и в тот же миг два милиционера заломили Тодресу руки за спину и потащили в отделение. Он не сопротивлялся. Таким же образом задержали других людей, не успевших выйти из оцепления. На Юлию сначала никто не обращал внимания, ее просто отгоняли, чтоб не путалась под ногами. Но она очень путалась, стала подробно объяснять милиционерам, что через несколько часов отправляется их поезд в Москву, а билеты и все документы у Тодреса. Но за спиной девочки выросло новое действующее лицо, им был дежурный медвытрезвителя. Он схватил ее сзади, применив, как потом напишет в рапорте, прием самбо, назвал словом, которое не является общепринятым обращением к даме, пообещал приложить усилия для того, чтобы она «сдохла в милиции». Дверь в отделение он лихо, с размаху открыл Юлиным лицом.

Прошло часа три, пока на всех задержанных дежурный отделения составил протоколы, получил письменные объяснения каждого и пристегнул к делам по четыре рапорта: двух милиционеров и двух комсомольцев оперативного отряда дружинников ЛФЭИ — студентов Л. Богуславского и С. Томчука. Мне сдается, преподаватели ленинградского вуза, где получают образование вышеупомянутые комсомольцы, не слишком хорошо следят за повышением культурного уровня своих студентов. Им, несомненно, было бы полезней провести за чтением книг время, потраченное на составление нескольких десятков идентичных документов, которые не только по смыслу повторяют рапорты милиционеров, в них даже грамматические ошибки одинаковые. Все задержанные в их произведении «уперались», на что-то «нереагировали», «цеплялись за форменную одежду» и в то же время «пытались лечь на мостовую».

Впрочем, какие мелочи все эти дефекты стиля и мысли! Кто ж поверит в сверхъестественную зоркость двух комсомольцев, умудрившихся зафиксировать в сознании движения каждого из сотенной толпы!

Член правления Союза адвокатов СССР А. Макаров так прокомментировал историю с Юлей:

— Каждый конкретный случай несправедливости общества по отношению к одному человеку — это, несомненно, наша общая боль. Но один конкретный случай может явиться симптомом более чем серьезной социальной проблемы. Юлия попала в беду из-за Указа о порядке проведения митингов. Я глубоко убежден, что само существование такого указа не оправданно ничем и противоречит идее демократизации общества. До тех пор, пока этот указ будет существовать, будут применяться подобные меры по отношению к людям, желающим слышать и говорить правду. Отменить этот указ может Верховный Совет. А пока будем надеяться и стараться помогать людям, попавшим в такую специфическую беду.

...В этот выходной день, 12 марта, в народном суде Куйбышевского района Ленинграда, вероятно, был воскресник. Председатель суда Раиса Корнеевна Клишина единолично рассматривала поступившие из милиции дела и готовила постановления, «не подлежащие обжалованию». Отсутствие адвоката, прокурора, народных заседателей Клишину несколько не беспокоило. Ее руки, равно как и руки милиционеров, были заранее развязаны нашим Кодексом РСФСР об административных правонарушениях. Как сказал прокурор Куйбышевского района Ленинграда Андрей Петрович Осипов, этот кодекс соткан исключительно из резиновых формулировок и белых пятен. Каждый чиновник вправе заполнить эти словесные пустоты доступным ему содержанием. Более полной возможности для административного произвола, наверное, и быть не может.

Правда, измученную и дрожащую Юлю Бедеру судья расспрашивала в присутствии инспектора по делам несовершеннолетних В. П. Болокан. Они дуэтом настаивали, чтобы девочка положила руку себе на сердце и призналась в том, что в Ленинград прибыла с целью заговора и участия в мятеже. Юлия плакала, но раскаяться в том, чего не было, не смогла. Более того, она еще пыталась доказать невиновность своего товарища, с которым приехала в гостеприимный Ленинград, пояснив, что Тодрес — московский аспирант, членом Демократического союза по ее сведениям, не является, а если бы даже и являлся, это никак не могло служить поводом для варварского обращения с ней. Такое упрямство Раису Корнеевну просто возмутило. Она установила: «...Ю. А. Бедерова кричала вместе с толпой, требуя освобождения задержанных лиц... оскорбила сотрудника милиции, в связи с чем была задержана и при задержании оказала злостное неповиновение, отталкивала от себя сотрудников милиции, задерживающих ее. В милицию была доставлена силой. В своем объяснении Бедерова пояснила, что никакого сопротивления она не оказывала, а пыталась помочь освобождению своего знакомого Тодреса. Руководствуясь ст. 165 Кодекса об административных правонарушениях, суд постановил: Бедерову Ю. А. подвергнуть штрафу в доход государства в сумме 50 рублей. Постановление обжалованию не подлежит».

Итак, у государства шанс на 50 рублей разбогатеть. Возможно, в пору экономического кризиса в этом есть что-то патристическое. Но правоохранительным органам Куйбышевского района Ленинграда удар рублем показался недостаточно сильным для такой злостной возмутительницы порядка.

«Дело № 6—365. Бедерова Юлия Александровна. Какие действия произведены: квитанция на исполнительный лист, сообщение для сведения в РК ВЛКСМ по месту жительства, сообщение комиссии по делам несовершеннолетних и по месту учебы».

Когда я приехала в Ленинград, дела Бедеровой в Куйбышевском народном суде уже не было. Поэтому принять меня председатель суда не сочла нужным. Разговор состоялся по телефону. «Дело это, кажется, в прокуратуре, — сказала Р. К. Клишина. — Запросили по какой-то жалобе. Но я его хорошо помню. Неприятная девица. Агрессивная. Дружка защищала. И ни в чем не призналась, все отрицала. И это в семнадцать лет!»

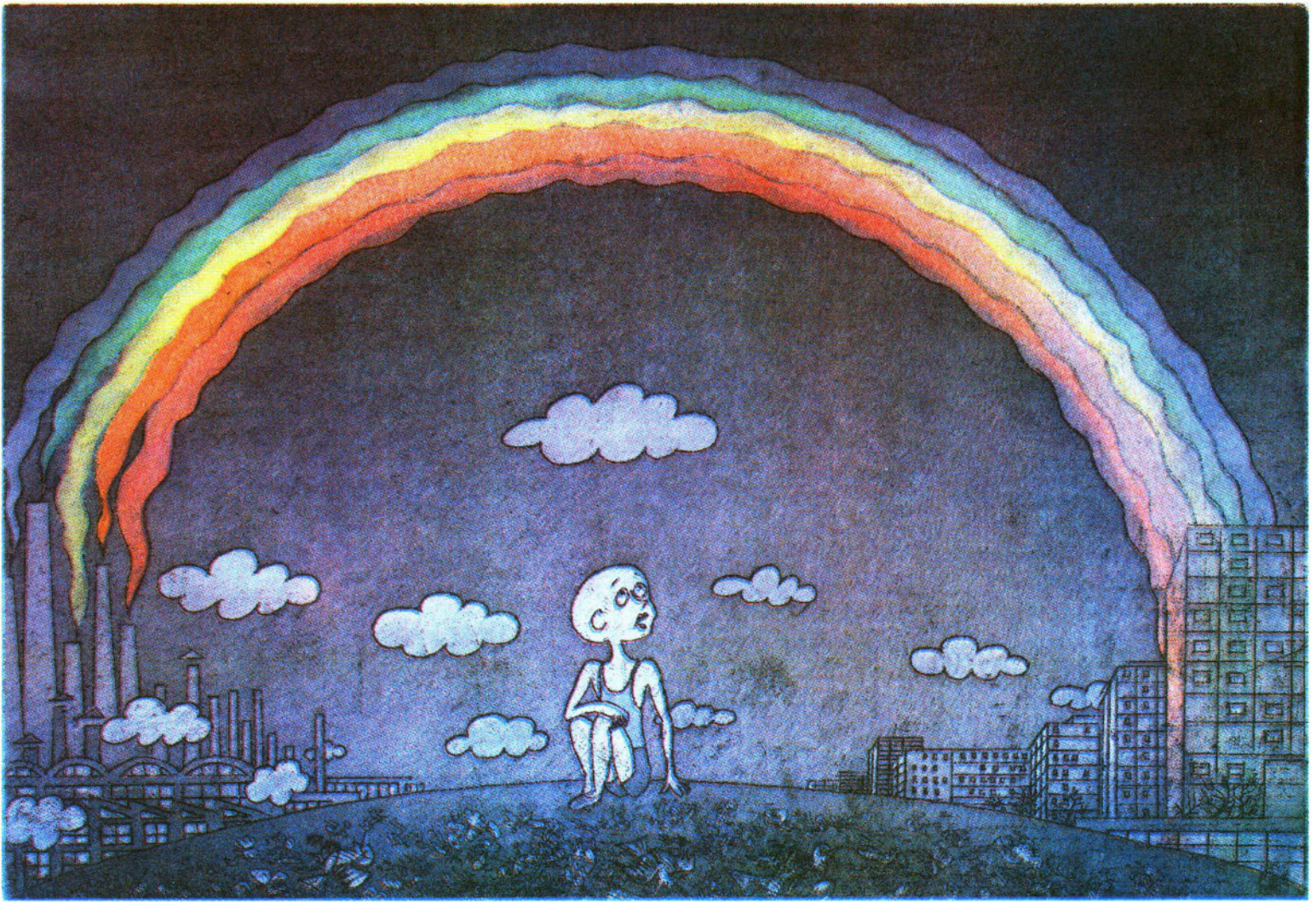
Прокурор районной прокуратуры А. П. Осипов, в которую сейчас запросили дела Юли и ее приятеля Тодреса, дал такой комментарий: «Юлия Бедерова жалуетесь на грубость милиционера. К сожалению, наши стражи порядка не всегда соблюдают этикет. Слово, которым ее назвали, — это просто милицейская классика... Если взглянуть на ситуацию шире, то надо сказать, к сожалению, что она довольно типичная сегодня. Неудивительно, что люди, узнав о своем праве на митинги, демонстрации, используют его. Власти же по-прежнему панически боятся скопления народа и чаще, чем этого требуют обстоятельства, прибегают к помощи милиции. А милиционер применяет силу там, где без нее можно обойтись не потому, что обижается на кого-то из толпы. Он выполняет приказ и поэтому не боится последствий излишнего усердия, не причен думать, не обладает навыками человеческого контакта. К тому же, излишне будет сказать, часто обозлен условиями своего существования. У милиционеров маленькая зарплата, им не дают жилья, у них часто нет возможности даже жениться».

Сотрудник Прокуратуры РСФСР Владимир Сергеевич Михайлов (Ленинград — его регион), узнав от меня о «деле Бедеровой», сказал: «Мы завалены подобными жалобами. Разобраться в каждой практически невозможно. Проверяем по документам, и во всех делах есть рапорты о сопротивлении, злостном неподчинении и т. д. «Административный кодекс» же, как вы могли заметить, исключает даже возможность обжалования, то есть лишает граждан права доказать свою невиновность. Но «дело Бедеровой» мы возьмем на контроль. Защита интересов несовершеннолетних — особый разговор».

...В Гнесинку на Юлю Бедеру поступил компромат из Ленинграда. Сейчас к ней присматриваются: как-никак почти судимость, которая будущему искусствоведу не к лицу. Так неожиданно обернулся для нее процесс демократизации. И такое в любой момент может случиться — и не только в Ленинграде — с моим сыном (он тоже, как и Юлия, любит осматривать достопримечательности) и с вашей дочерью, читатель. На улицах не развесишь предупреждения: «Дети до 16 лет не допускаются!».

Хотя, конечно, можно попробовать. Только стыдно. Больно умными наши дети сегодня стали. Совсем уважать перестанут.

г. Ленинград.

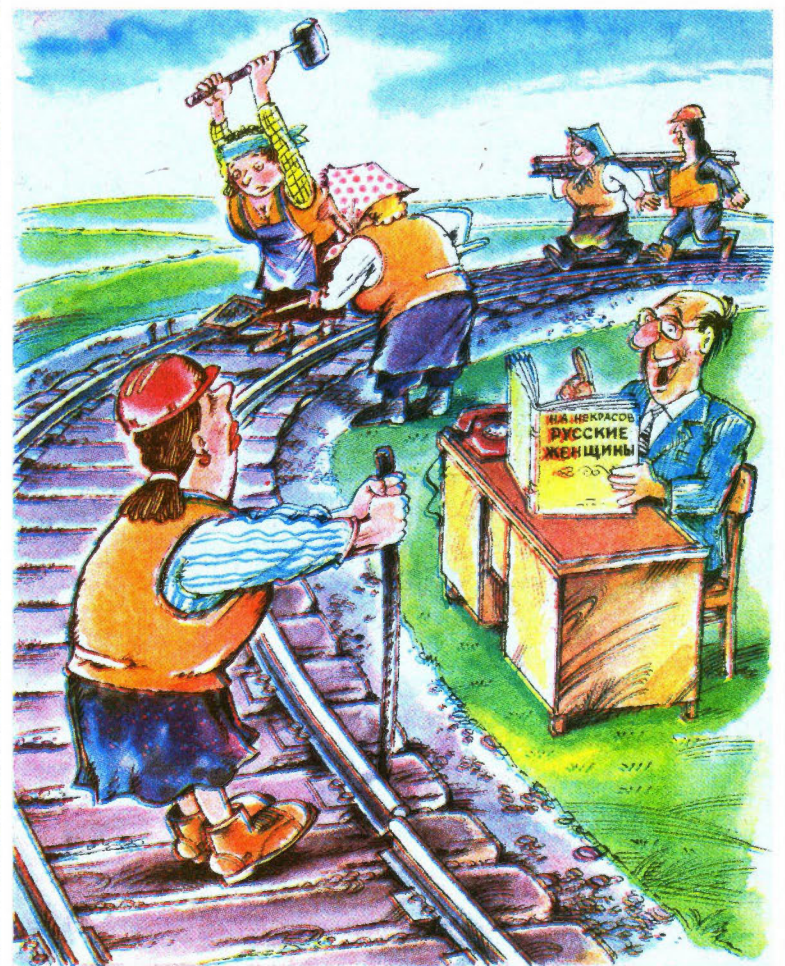

В. КУЗНЕЦОВ, г. Псков. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

НАРОДНЫЕ КАНДИДАТЫ НА МЕСТА В ДЕПУТАТСКОМ ЗАЛЕ.

И. НОВИКОВ, В. ВЛАДОВ (тема).

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. ЛУГОВКИН (тема).

Е. СКАРИДОВ, г. Свердловск

логией, ибо путаница в ней и приводит чаще всего к гневным письмам, утверждающим, что секс с экранов надо решительно вычистить. Так вот, по моему мнению, секса в художественном кино, хоть в нашем, хоть в «ихнем», вообще нет, ибо сексуальные отношения, впрочем, как и все другие состояния человеческого бытия — любовь, ненависть, рождение, смерть — возможны только в реальной жизни. Искусство, в том числе и кино, может только сымитировать, сыграть их, «незавражду», а понарошку», как говорят дети. Что-то я не заметил, чтобы фильмы о войне, имитирующие (и подчас довольно натуралистично) и смерть, и кровь, и человеческие муки, вызывали бы столь яростное неприятие, как фильмы про любовь. Или вы считаете, что изображать, как люди убивают друг друга, естественнее, нормальнее, чем то, как они любят? И интересно, что, по-вашему, нравственнее — показывать обнаженного, но живого человека или мертвого, но одетого? И лучше пусть дети играют в войну, чем в дочки-матери или папу и маму? Но тогда, Бога ради, не делайте круглых глаз, удивляясь, откуда вокруг столько жестокости, недоброжелательности, остервенения. Тем более, если учесть, что фильмы, в которых «слишком много секса», появились всего несколько лет назад, а на дефицит доброты, любви, душевности мы жалуемся уже не одно десятилетие. А что до порнографии, то она, как известно, не имеет никакого отношения к искусству, ибо не имитирует, не показывает Любовь во всех ее проявлениях, а лишь фиксирует на пленке технологический процесс полового акта. Эротика же на экране всегда только намекает, апеллируя не столько к зрению, сколько к воображению публики. Другое дело, как она это делает, с какой степенью откровенности и художественности, какие задачи ставит перед зрителем воображением. И каково оно, это зрительское воображение. Иной ведь так раздевает взглядом приглянувшуюся ему женщину на улице, что не вызывает ни у нее, ни у окружающих ни малейшего сомнения относительно своих экстремистских намерений. А другой и на нудистском пляже — голый среди голых — останется человеком, а не похотливым самцом. Тут уж кому что ближе!

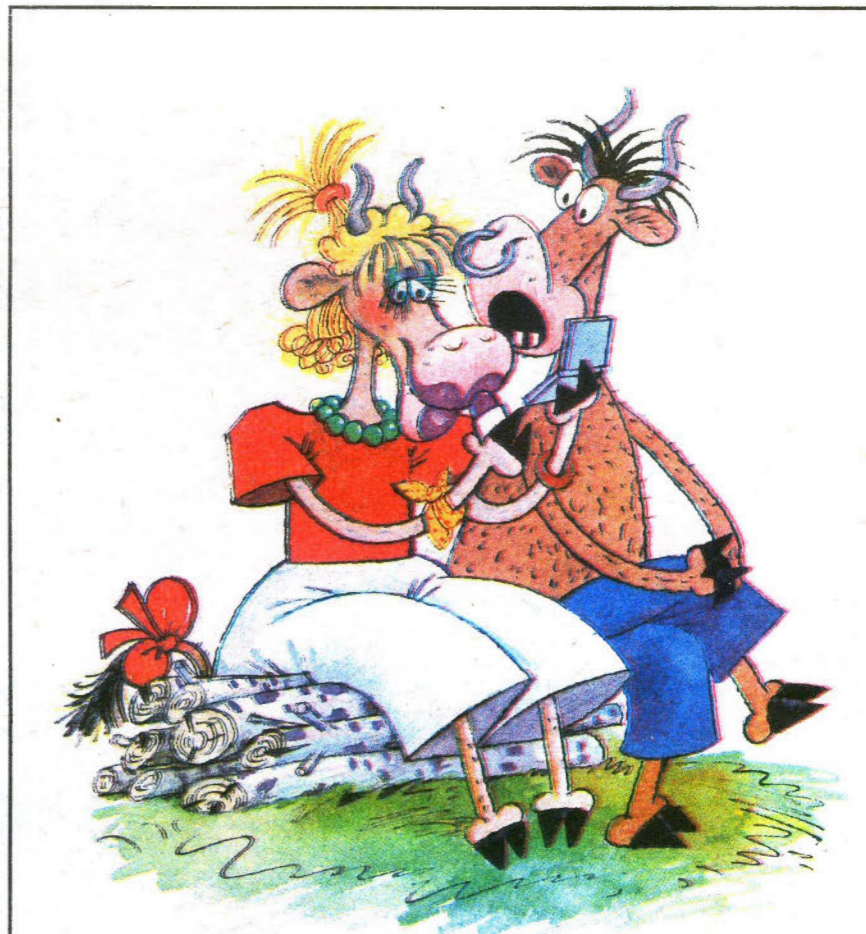
Действительно, в последнее время «обнаженной природы» в наших фильмах стало больше. Только среди лент этого года я насчитал таких свыше тридцати. Больше того, считаю, что во многих картинах это — своеобразная дань моде: было нельзя, а теперь можно. Дай-ка, дескать, и я попробую! И пробую, но опять же: особого криминала в том не вижу. Эдакая своеобразная «детская болезнь левизны» в киноэротике. Как и всякая мода, думаю, со временем проходящая.

Возьмем, к примеру, мосфильмовскую ленту «Верными останемся», снятую в содружестве с кинематографистами шести соцстран и повествующую о боевом содружестве солдат стран Варшавского Договора. Слабую, на мой взгляд, с художественной точки зрения картину, авто-

любительство к массовым сексуальным оргиям. Сказать об этом или написать — законное право критика и зрителя, но применять к режиссуре оргмеры, как настаивают отдельные яростные блюстители морали, увольте.

В ленфильмовской картине «ЧП районного масштаба», рассказывающей о двойной морали комсомольских «вождей» времен застоя, есть сразу три таких эпизода (которые, надо сказать, не было в одноименной повести Ю. Полякова, положенной в основу этого фильма). На меня самое сильное произвел тот, в котором секретарь райкома любит свою жену, шепчет ей на ушко все приличествующие моменту слова и в то же время мысленно желает ей смерти. «Высший пилотаж» душевного цинизма, очень точно характеризующий глубину нравственной деградации героя. А как великолепен и одновременно страшен эпизод в сауне, где юные «комбоссы» в простынях, со стаканами водки и верными секретаршами вполне искренне, со слезой поют песню «Комсомольцы — добровольцы!» Вот оно, зримое подтверждение их двойной морали, вошедшей не только в мозг, а в души! Но последующее их купание в сауне с теми же секретаршами (уже без простыней) мне лично ничего нового не дает, ибо не добавляет никаких новых красок в коллективный портрет наследников застоя. Однако ведь совсем не из-за этих «развратных» кадров картину кое-где местные власти так долго не выпускали на экраны. И не из-за дискредитации комсомола (кстати, именно ЦК ВЛКСМ поддерживал создание этого фильма). А потому, что кое-кто из «выросших» партпаратчиков узнал в героях и себя, и свою комсомольскую юность. Так подумайте, уважаемые зрители, с кем те из вас, кто требует запрещения этого фильма?

Но вот совсем иной случай, где речь идет не о «модных веяниях», а о настоящем искусстве. Я, конечно, допускаю, что, может быть, кто-то увидит в откровенных, натуралистических эпизодах другой ленфильмовской картины «Трудно первые сто лет» только «чернуху» и «порнуху», а в эротических грехах молодой девчонки — ее развращенность. Я же увидел другое. Суровую и жесткую правду о современной русской деревне, с тяжелой нечеловеческой работой на ферме, с пустым прилавком сельпо, с грязью бездорожья, с телевизором, в котором такая красивая и нереальная жизнь, с комматушкой, где и законного мужа-то можно любить наскоро, украдкой, постоянно прислушиваясь к вздохам свекрови за шкафом и болтовне соседей под окном. Да, наивны и смешны любовные грезы героини, показанные нам в стилистике не то индийского, не то французского кино, но они для нее — единственная возможность вырваться, хоть в мечтах, из таких обыкновенных, таких нечеловеческих условий существования, в которых, к сожалению, проживает сегодня не она одна. И кто решится после этого бросить камень

— Милый, ты бы поберег меня сегодня.
— Да брось ты, Зорька, народу так нужно мясо!

Г. ОГОРОДНИКОВ, Р. ДРУКМАН (тема).

Петр СМЕРНОВ

ОТРАЖЕНИЕ ЛЮБВИ В ЗЕРКАЛЕ ЭКРАНА

Размышления над читательскими письмами после фельетона «Очень голый экран»

Пустячок, а приятно: до сих пор за всю свою сильно критическую жизнь в киноискусстве всякое получал: и недовольство создателей фильмов, и «ценные указания» своего газетного начальства, и гневные письма читателей. Но вот стихов, посвященных лично мне, еще не было. Теперь, после фельетона «Очень голый экран» (№ 36, 1988 г.), есть. За что огромное спасибо В. Дмитриеву из Ростова-на-Дону, приславшему их с трогательным посвящением «адвокату секса П. Смирнову»:

Скажите мне, Смирнов (и иже с Вами),
За что Вы боретесь, протаскивая «нить»,
«Безмозглых» граждан к сексу приучить?
Сказать: «Враги народа!» — слишком мягко...

Здесь я позволю себе прервать поэтическую музу автора, ибо она разгулялась не на шутку — и по объему, и по количеству обвинений. Так что я попробую пересказать их кратко. Итак, далее В. Дмитриев живым и сочным языком приводит примеры, как я вкупе с «Маленькой Верой» собираюсь этих самых граждан к сексу приучить и как этим самым гражданам следует поступить со мной, «Маленькой Верой», а заодно и сексом. Кстати, подобных писем, но уже написанных сугубо прозой, скопилось немало. Из них я узнал много нового и неожиданного о своих интимных достоинствах (амплитуда колебания — от «сексуального маньяка» до «безнадежного импотента») и о моем моральном облике («растлитель советской молодежи»), и, наконец, о заслуженной каре, которая неминуемо постигнет меня за все вышеперечисленные деяния (тут, слава Богу, высшая мера мне не грозит, ибо она слишком мягкое наказание, об остальных способах см. «Справочник начинающего инквизитора»).

Но вот я беру со стола другую пачку писем, их меньше, но тоже немало. И понимаю, что — о счастье! — есть люди, которые думают так же, как я. И, поверьте, не только среди растленной «адвокатом секса» и «Маленькой Верой» молодежи, но и среди людей моего поколения, которых трудно заподозрить в «подрастковом» желании подглядывать в замочную скважину экрана.

«Пишут Вам (впервые!) супруги Белоконь из Ужгорода. Мы с женой недавно посмотрели, хотя в кино ходим редко, кинофильм «Маленькая Вера». Нам настолько поразили некоторые обстоятельства просмотра, что мы решили обратиться в Ваш журнал. Когда в городе прошла премьера, то мы повсюду слышали возгласы негодования или восторга: «Сплошной секс! Гласность! Ужас! Великолепно! Разврат! Демократия!» Мнения были настолько противоречивые, что мы решили посмотреть этот фильм сами.

...И вот он закончился, в зале зажгли свет, слышались возгласы, ханжеский шепот, плевки, кто-то мерзко хихикал, кто-то пошло острил, кто-то криво улыбался, как после сального анекдота. Нам с женой стало страшно и стыдно — среди каких людей мы живем, и чем живут эти люди? До чего же, оказывается, искажены и деформированы моральные нормы многих людей, если пара полуротических кадров заслонила от них реальный, страшный смысл этой картины. Хотелось крикнуть: «Люди! Опомнитесь, вы что, никогда не видели голый женщины? Неужели для вас открытие, что мужчина и женщина могут быть в постели без высоких чувств и штампа в паспорте?! Ведь это сплошь и рядом, это, к сожалению, тоже наша действительность, и жизнь, показанная в фильме, увы, наша жизнь, только без прикрас, без утайки негативных, «нетипичных» явлений. Вот про это «Маленькая Вера», а не про секс. Вот чем нужно возмущаться, против чего протестовать — против такого серого, обывательского, бездуховного существования, в котором пребывают и поныне многие из нас».

И еще одно письмо от А. Меркурьевой из Челябинска: «У нас на работе тоже была дискуссия по фильму «Маленькая Вера». Спорили женщины разных возрастов: и моложе меня (мне 36 лет), и старше. И они буквально все были возмущены «этой» сценой, считая, что она совершенно не нужна, ибо унижает человеческое достоинство (хотя в целом признали, что фильм очень правдивый и нужный). А я считаю, что эта сцена, по замыслу авторов, несет определенную смысловую нагрузку. Ведь даже святая святых — интимные отношения — герой и героиня воспринимают механически, как унылую, повседневную обязанность. Даже во время любви они говорят не о Любви, а о бытовых проблемах. Господи, до чего же мы дожили! Ведь большинство из нас и сами не умеют и, что самое страшное, не научили наших детей чувствовать «любви прекрасные моменты». А теперь упрекаем их: они, дескать, и такие, и сякие, и любить по-настоящему не умеют, и на уме у них один секс. Не знаю, как кого, а меня этот фильм заставил еще раз взглянуть на себя, на окружающий мир со стороны».

Меня тоже. Но давайте все же вернемся к тому животрепещущему вопросу, который и породил поток писем в редакцию, — к «сексу на экране». И разберемся прежде всего с термино-

ры которой, если и остались чему верными, так это старым стереотипам военного фильма времен «Солдат свободы» Ю. Озерова. Так вот, там для оживления политической линии сюжета присутствует любовь. Раньше бы, в эру доэротического экрана, единственное, что позволили бы героям создатели фильма — это лежать, плотно укрывшись одеялом и произносить положенный в подобных случаях текст про любовь. А теперь героиня произносит его, свободно разгуливая по комнате совсем без ничего. И ничего. Лично меня эта сцена совсем не шокирует — актриса симпатичная и сложена хорошо. Нужен ли этот эпизод фильму? Не уверен, но и обвинять режиссера в пропаганде секса не нужно.

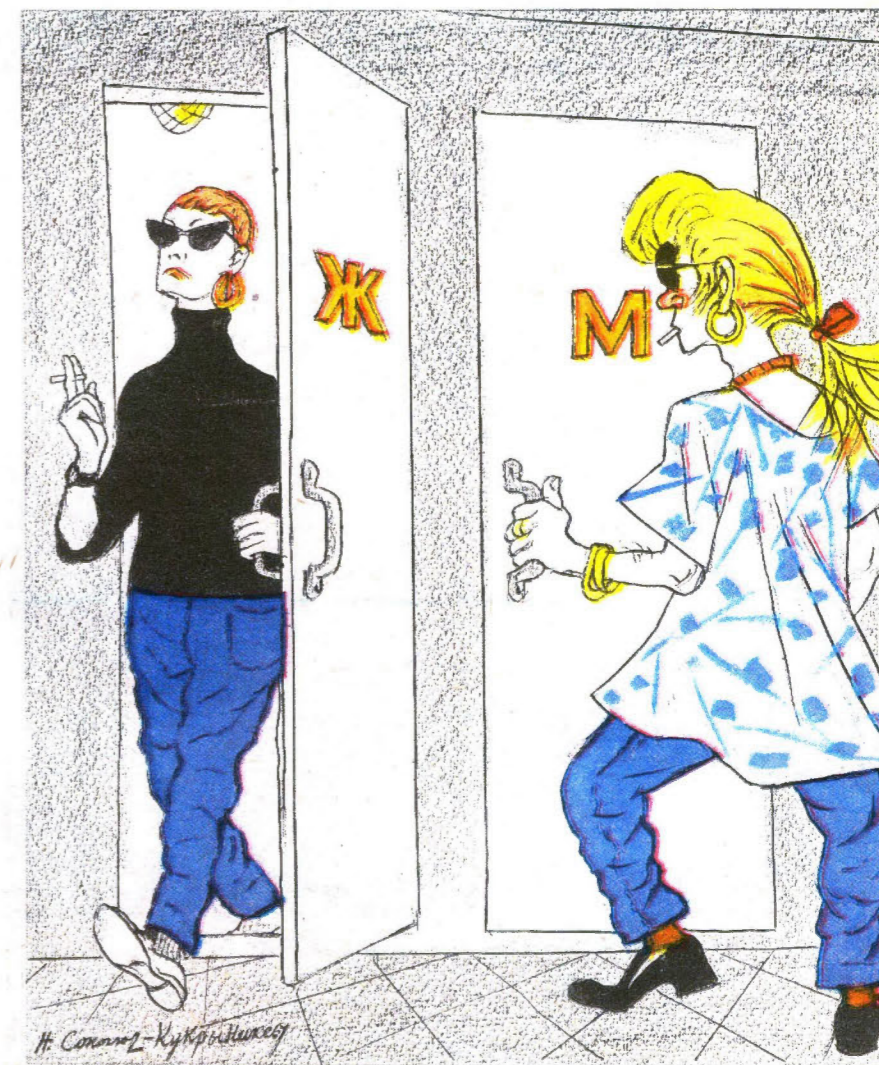
Правда, бывает и так, что работа режиссера с «обнаженной» выдает его подслушные и не всегда безгрешные желания. Как, например, происходит это в мосфильмовской ленте «Дорогое удовольствие», где сатирический замах на изображение «сладкой жизни» подпольных дельцов сменяется откровенным любованием ее прелестями и прелестями ее полногрудого обслуживающего персонала. Или в другой ленте, также снятой на «Мосфильме», «Трагедия в стиле рок», где сквозь обличительный пафос, направленный против наркотических загулов юных героев, вдруг пробивается какое-то сладострастное авторское

в режиссера, решившего откровенно, без прикрас, не показав даже, а закричать с экрана о нашей боли, нашем стыде, нашей тоске по нормальной человеческой жизни?!

Хотя, наверное, найдутся — не сомневаюсь в этом — и такие зрители, кто, как в «Маленькой Веры», увидит здесь только «избранные кадры», кто придет в кино, чтобы увидеть только сцены «детям после шестнадцати». Мне жаль их, если за обнаженным телом им не дано увидеть обнажение мысли и чувства художника, а за эротикой на экране реальную, земную любовь. Ведь кино как зеркало отражает то, что происходит в жизни. Мы долгое время смотрели в кривые зеркала экономики, социологии, политики, которые, отражая, искажали реальную картину мира. Мы даже привыкли к ним и теперь порой еще пугаемся, когда в прямых зеркалах видим свое настоящее лицо. Но смотреться в прямые зеркала необходимо, если мы не хотим вновь вернуться туда, откуда только начинаем выходить. Так давайте попробуем не бояться и отражения любви в зеркале экрана. А если уж захотим, чтобы любовь на экране была всегда возвышенной и чистой, то менять нужно жизнь, культуру наших взаимоотношений и культуру наших взглядов на экран. Тогда и изображение их станет другим. Но не наоборот.

И. ВАРЧЕНКО.

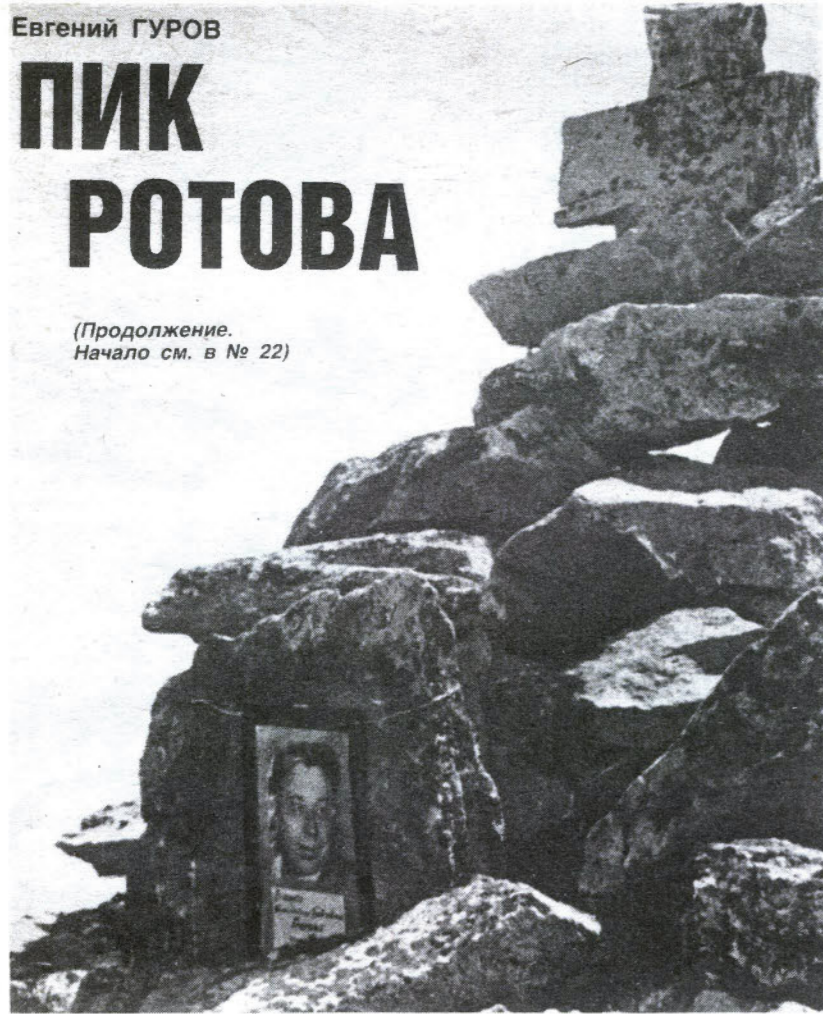
КТО ЕСТЬ КТО

Ник. СОКОЛОВ (КУКРЫНИКСЫ).

Евгений ГУРОВ

ПИК РОТОВА

(Продолжение. Начало см. в № 22)

— Мы и дачи снимали коллективно, — продолжал он. — Мне пришлось жить на одной даче с Ильфом и Петровым. Они тогда писали свой роман. Рано утром они усаживались на террасе и приступали к делу. Иногда между соавторами возникал творческий спор, переходивший в конфликт. Тогда можно было услышать голос, к примеру, Ильфа: «Женя, вы дураки!» После этого соавторы расходились и два-три дня не встречались. Потом в один прекрасный день рано утром они, не сговариваясь, приходили на террасу и дружно принимались за работу.

В редакции «Крокодила» — вспоминал Ротов, — объектом для дружеских розыгрышей служил Леон Георгиевич Генч. Тонкий психолог в своих рисунках, в жизни, он был необыкновенно наивен и доверчив. Однажды приходит Генч в редакцию и видит: вывешен приказ — «За грубое отношение к молодым авторам Ротова К. П. от работы главного художника отстранить. Главным художником журнала назначить Генча Л. Г.». Леон Георгиевич и обрадовался, и растерялся. Увидел меня, подошел: «Константин Павлович, как же это? За что вас так?» «Да привязались тут ко мне два бездарных начинающих. Рисунок плохо. Надежды никакой. Я им это объясню, а они ходят и ходят. Я не выдержал и выгнал их. В результате вы теперь главный. Поздравляю!» Тут главный редактор пригласил к себе Генча и сказал: «Леон Георгиевич! Грубость Ротова не главное. Главное, что распустил он художников. Рисовать стали небрежно. Особенно обратите внимание на Бродаты». Генч вышел от редактора озаренным и тут заметил за столом Льва Григорьевича Бродаты. Тот сидел и исправлял что-то в своем рисунке. «Что это вы так небрежно рисуете?» — спросил Генч. «А вам что за дело?» — заинтересовался Бродаты. «Вы очень снизили уровень своих работ», — сказал Генч, — и я как главный художник должен от вас потребовать...» «Главный художник?! Ха-ха! Идите все сюда: Генч говорит, что он главный художник! Ха-ха-ха!» Задетый за живое недоверием и насмешками, Леон Георгиевич потащил Бродаты к доске приказов: «Читайте!» «За неуважительное отношение к художнику Л. Г. Бродаты Генча Л. Г. от работы главным художником отстранить. Главным

художником вновь назначить Ротова К. П.», — прочел Бродаты. Потрясенный, Генч тоже прочел и, не говоря ни слова, поплелся домой...

Не потеряв чувства юмора, любознательности и прочих прекрасных качеств, Константин Павлович в злоключениях своих потерян здоровья. Врачи разрешили ему работать не больше четырех часов в день. Константин Павлович запрет этот нарушил. Ротов был нужен! Звонили из издательства — заказывали книжку. Пришло письмо из Казахстана, из комсомольской газеты, — просили рисунок. «Комсомольская правда» напечатала большую подборку юмористических рисунков. Читатели определяли лучшего художника-юмориста, и Ротов получил первую премию. А «Крокодил» и «Веселые картинки»? Им тоже никогда не отказывал.

«Крокодил» — мой долг. «Веселые картинки» — моя любовь», — говорил Константин Павлович. И одинаково добросовестно, высокопрофессионально рисовал и для областной газеты, и для всесоюзного журнала. В «Веселых картинках» Константин Павлович был, конечно, номером первым, хотя рядом с ним работали такие замечательные художники, как И. Семенов, А. Каневский и М. Черемных... Почти в каждом номере печатались на развороте его рисунки. Михаил Михайлович Черемных пошутил как-то: «Отныне Костя Ротов должен называться Костя Разворотом!»

В одном из номеров 1957 года был напечатан великолепный рисунок Константина Павловича, иллюстрирующий стихотворение С. Маршак:

*По склону вверх
Король повел
Полки своих стрелков... и т. д.*

— А из чего стрелки стреляют? — спросила меня малолетняя дочь, подписчица и поклонница «Веселых картинок». Я посмотрел на рисунок и увидел, что «стрелки» вооружены алебардами и мечами и ничего огнестрельного у них нет.

Я рассказал об этом Константину Павло-

вичу. Он сначала схватился за голову: «Как же это я?!» А потом долго хохотал, держась за сердце.

Незадолго до смерти Константин Павлович слег. Парализовало правую руку. И он попросил планшет, бумагу, карандаш и настойчиво стал учиться рисовать левой рукой. Не рисовать он не мог...

8 января 1959 года, прикованный болезнью к постели, Борис Иванович Пророков записал в своем дневнике:

«В данный момент в Московском Союзе художников товарищи прощаются с К. П. Ротовым. Вчера вечером из «Вечерней Москвы» я узнал о смерти этого замечательного и неповторимого художника».

В «Крокодиле» была создана комиссия по похоронам. Втроем мы отправились в Моссовет. Нас радушно принял заместитель председателя исполкома, ведавший коммунальными делами, а значит, и кладбищами. Он усадил нас на стулья и приготовился слушать.

— Умер художник Ротов. Один из корифеев «Крокодила». Мы хотели бы похоронить его на Ваганьковском кладбище...

— А кто он, этот Ротов? — поинтересовался зампред.

— Замечательный, всемирно известный художник, — объяснил Егор Горохов.

— А званья у него какие?

— Званий у него нет...

— Ну кто же, Женя, это напечатает? — И зампред, расплывшись в доброй улыбке, широко развел руки, как это делают, говоря: «Добро пожаловать!»

И еще одна запись в дневнике Пророкова:

«Вечером зашел Коля Соколов... Принес свои рукописи... Все очень интересно, особенно значительно о встрече с К. Ротовым в Соликамске».

А я и не знал, что Николай Александрович Соколов встречался с осужденным Ротовым!

Позвонил я Николаю Александровичу: — Это ж мужественный поступок! В то время!..

— Никакого героизма. Просто я очень любил Костю Ротова. И, главное, был убежден, что он ни в чем не виноват, — сказал Николай Александрович. — Я полюбил его задолго до того, как мы познакомимся. Еще в молодости, когда жил в Рыбинске. Вырезал из журналов его рисунки. Даже пытался ему подражать...

— Но ведь ваши воспоминания напечатать надо!

— Ну кто же, Женя, это напечатает? И правда, в то время (1979 год!) о публикации такого рода не могло быть и речи... Но о встрече с Ротовым Николай Александрович мне рассказал:

«В 1943 году в «Крокодил» пришел майор, который сообщил, что служит в лагере в Соликамске. Что в лагере этом находится Ротов. Он работает в клубе и очень нуждается в материалах. Нет кистей. Нет красок. Кисти он делает сам из конского волоса... Мы передали Косте и кисти, и краски.

В этом же году в Третьяковке готовилась наша персональная выставка. Часть картин была эвакуирована в Соликамск. Я должен был туда поехать и решил, что должен повидать Костю. Я понимал, что это непростое, и отправился в ГУЛАГ. Меня принял большой начальник. Он сказал, что Курьянчиков знает. Знает и про танк Дело в том, что незадолго до этого мы получили Сталинскую пре-

— Это шимпанзе. Он наш близкий родственник. — Почему же ты не устроил его у себя на службе?

К. РОТОВ.
1939 г.

мией и денежную ее часть отдали на строительство танка. Я попросил разрешения на свидание. «Как правило, мы этого не разрешаем, но в виде исключения...»

Прибыл я в Соликамск в июне. Явился в контору лагеря. Оказалось, разрешение на свидание уже получено. До лагеря три километра. Я было собрался туда идти, но мне сказали, что приведут Ротова сюда. И действительно, в сопровождении двух вооруженных конвоиров появился Костя. Мы обнялись, расцеловались. Долго хлопали друг друга по спине.

В комнатке, кроме нас, два конвоира, майор, который приезжал в Москву, и еще какой-то в штатском, в углу за столиком. «Коля, я ни в чем не виноват!» — шелнул мне Костя. Я сказал ему, что мы хлопочем о пересмотре дела. Костя спросил о дочери. Я сказал, что видел ее недавно. Что она подросла, похорошела. Ротов усмехнулся: «Как она могла похорошеть, если она на меня похожа!»

Поговорили мы минут двадцать, и Костя ушел.

Когда я вернулся из Соликамска, крокодилы по очереди тянули меня за рукава в угол и шепотом спрашивали: «Ну, как там Ротов?»

В 1954 году Ротова реабилитировали. Он пришел к нам в мастерскую и сказал: «Ехал я сейчас в троллейбусе и сидел развалился, заняв два места сразу. Я же свободный человек! Так мне было хорошо!»

«Огонек» опубликовал главы из книги Камилы Икрамова «Дело моего отца». Камиль — сын посмертно реабилитированного первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана Акмалы Икрамова. Отец был расстрелян, а сын хлебнул и лагеря, и ссылки.

В «Огоньке» я прочел: «Я знал... что постепенно подбирают всех, кого выпустили из лагерей по окончании срока. Поживет человек год-два на свободе где-нибудь вдалеке от столиц, а его опять возьмут, а что сделают — неизвестно. Сгинет и все. Так уж кое-кто исчезал. Дядя Костя Ротов, например».

Я позвонил Икрамову: — Камиль, вы знали Ротова? — Я встретился с ним в лагере, в Соликамске. Мы встреча были короткой. Если хотите подробности, — поговорите с Таничем. Я позвонил известному поэту Михаилу Таничу: — Михаил Исаевич, вы знали Ротова?.. — Знал ли я Ротова?! Да он жизнь мне спас!

Мы договорились о встрече. И встретились. Михаил Исаевич начал так:

«Сначала о том, как я попал в Усолье МВД СССР, в котором отбывал свой срок и Константин Павлович. Демобилизовавшись после войны из армии, я поступил в Ростовский инженерно-строительный институт на архитектурный факультет. Вскоре меня арестовали. Был я молод, наивен и рассказывал однокурсникам о том, какие великолепные автодороги в Германии. А потом на вопрос следователя: «Что ж, наши дороги хуже?» — признался, что, конечно, хуже. И все стало ясно: воспевание капиталистического образа жизни и клевета на социалистический. Я долго сопротивлялся, не подписывая протоколы допросов. Меня не били, но пытали все же мучительно: лишали сна. На допросах, которые длились по многу часов, следователь не давал задремать. А надзиратель следил, чтобы я не заснул в камере.

Следователь Ланцов,

мастер ночных допросов,

он мне говорил:

— Подписывай!

Туда твою мать,

Матросов! —

А я, приведенный

двумя конвоирами

из внутренней тюрьмы:

— Советская власть

разберется!

— Советская власть —

это мы!..

Теперь-то и зайцу ясно,

что я затевал бузу! —

О чем, как в листе допроса,

расписываюсь внизу.

Тут прерву рассказ Танича, чтобы привести цитату из недавно прочитанного романа М. Алданова «Ключ». Между письмоводителем и следователем по важнейшим делам происходит такой разговор:

— За границей, я слышал, их измором берут: круглые сутки спрашивают, наплет, пока не сообразится. Сами сменяются, а ему спать не дают. — Не знаю, как за границей, но думаю, чтобы это так было, хоть и такие рассказы слышал. У нас, во всяком случае, эти способы не допускаются, и слава Богу! Разговор этот происходил в России накануне февральской революции. Во времена, когда следователь Ланцов и нарком Берия еще не приступили к своей страшной работе. Они-то заребуем опытом не гунались...

(Окончание следует).

НЕ ПЛЮЙ В КОЛОДЕЦ

Григорий КРОШИН, специальный корреспондент Крокодила

ПУТЕШЕСТВИЕ ДИЛЕТАНТА

КУДА ДЕЛИСЬ КРЫМСКИЕ «АТОМНЫЕ» МИЛЛИОНЫ?

— Какой смысл туда ехать? Вопрос-то уже закрыт. — Стоит ли ломиться в открытую дверь? Тем более после «Правды» и речи Горбачева... (Из сомнений, раздиравших автора и редакцию).

Да, имели место большие сомнения. В первый раз я вознамерился отправиться на Крымскую атомную еще в январе. Уже оформил командировку, уже купил билет на поезд «Москва — Симферополь», уже собрал чемодан, но тут... Появилась статья в «Правде» — «Экспертиза». Ученые во главе с академиком А. Яншиным сказали свое независимое слово: возводить в Крыму АЭС нельзя. Сказали веско, основываясь на выводах специально созданной Совмином Комиссии АН СССР.

Командировку отменил, билет сдал, чемодан разобрал: раз уж выступила «Правда»... Но через месяц, в феврале — звонок из Академии наук: «Ничего не изменилось, строят воево!»

Опять оформил командировку, заказал билет, собрал чемодан, но тут... Включая телевизор — Генеральный секретарь беседует с горожанами в Киеве. На их вопрос об АЭС в Крыму следует ответ: приглашена иностранная фирма, которая еще раз измерит сейсмичность в месте строительства и даст заключение, можно ли там сооружать АЭС. Если нет — вместо станции будет учебный тренажер.

Командировку отменил, билет сдал, чемодан разобрал: раз уж сам Генсек сказал... Но еще спустя месяц получаю письмо из Симферополя. Вернее, копию письма:

«Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Горбачеву Михаилу Сергеевичу. Копия — в журнал «Крокодил». Уважаемый Михаил Сергеевич! Пишем Вам с единственной целью еще раз попытаться преодолеть непроницаемую стену, которая, как нам кажется, окружает Вас. Нам совершенно ясно, что Вы располагаете лишь теми сведениями о Крымской АЭС, которые выгоды для Минатомэнерго, остальную информацию от Вас утаивают... До каких же пор ведомственный эгоизм и диктат будут топтать науку, мнение и чувства народа? Просим Вашего вмешательства». И идут 28 подписей членов крымской ассоциации «Экология и мир».

— НУ, ЭТО ЖЕ ВСЕ ДИЛЕТАНТЫ! — реагирует директор Крымской АЭС В. Танский, приглашая спецкору в кабинет. — Сидят, понимаешь, урбанистичка, настройки ролей, кандидат физико-математических наук, журналист, гинеколог и другие и решают, как здесь нейтроны бегают, как здесь все будет загрязняться, да сколько миллионов людей мы будем отсылать, куда нам тикать и так далее! И вообще мой вам совет, журналистам и гуманитариям: занимайтесь-ка вы своим делом, а именно нашими душами. И не лезьте в технику, мы как-нибудь с ней сами справимся.

Порывался я было возразить директору, что, мол, противники Крым-

ской атомной не такие уж неучи. Что среди них и доктора, и кандидаты наук, причем не только гуманитарных, а и самых что ни на есть технических, и геолого-минералогических, и биологических, инженеры и строители, энергетики и экономисты, да и журналисты не все поголовно полные профаны (спецкор, к примеру, бывший инженер-энергостроитель), но... не стал. Дилетанту проще. По крайней мере иметь право задавать свои наивные вопросы.

Например, такой: а как принималось решение о сооружении в Крыму атомной станции? Кто принимал, какой такой высокой профессионалом? Специалист-энергетик? Или дока-экономист? Оказывается, вот кто: «... в 1976 году обком партии и облисполком, тщательно рассмотрев все варианты энергоснабжения, выбрали АЭС...» Так в «Крымской правде» написал директор Танский, а уж он-то знает.

Вот такие профессионалы выбрали АЭС. Ну ладно, они сделали, так сказать, принципиальный выбор. Но конкретную-то площадку для будущей станции выбирали вполне квалифицированные проектировщики. И что же? Вот лишь один из множества выводов вневедомственных ученых: «...сейсмостойкость участка строительства Крымской АЭС занижена минимум на 3 балла... это исключает возможность строительства особо важных объектов... свидетельствует о неудачном выборе площадки». (Мнение института геологии АН Азербайджана.)

Ну, допустим, выбрали кое-как, не подумав. Но ведь дальше пошло уже всестороннее инженерное проектирование объекта...

Если бы. Читая оценки ученых, и опять много всяческих «не»: в проектную стоимость строительства НЕ включены расходы на захоронение реакторных блоков после их эксплуатации, НЕ включены расходы на компенсацию выбывающих (из-за АЭС) из возможного хозяйственного использования природных ресурсов, НЕ учтены принципиальные положения «Руководства МАГАТЭ», НЕ выполнены эколого-экономические расчеты альтернатив Крымской АЭС... и так далее.

В связи с последним невыполненным так и тянет задать очередной дилетантский вопрос: а как же решали-то, не взвесив все экономически? И, значит, так ли уж необходима позарез столь мощная станция в Крыму? И оказывается, что вопрос-то этот не слишком и дилетантский. Вот такой крупный знаток, как сам председатель Совета по производительным силам АН УССР доктор экономических наук С. Дорогунцов, тоже, представьте, сомневается в ее необходимости. Если мы, конечно, всерьез собираемся выполнять прошлогоднее постановление Совмина СССР, запрещающее строительство новых и рас-

К. РОТОВ. «ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ» 1924 г.

ширение действующих промпредприятий в Крыму. А раз не будет этих энергоемких предприятий, значит, не потребуются и столько электростанции, из-за чего, собственно, и затевалась гигантская АЭС. А ту недостающую электростанцию, которая нужна крымчанам сегодня, можно было бы (и это опять же мнение специалистов) компенсировать различными способами, в том числе ветроэнергостанциями.

— **БРЕД СИВОЙ КОБЫЛЫ!** — компетентно резюмирует директор Танский.

Почему же другие профессионалы считают, что не такой уж и бред: только в одном американском штате Калифорния работают 15 тысяч ветроэнергостанций, в то время как у нас в стране всего 3,5 тысячи... А недавно прочел в «Правде»: в Крыму, «на Арабатской стрелке» можно установить 30 тысяч ветряков и получить 2 миллиона киловатт мощности. И никаких тебе Чернобылей!

— В Крыму повторение Чернобыля исключено, — режет свою правду специалист-директор. — Могу поклясться двумя своими дочерьми. С нашим реактором в принципе невозможно такое, как в Чернобыле.

Но слышится мне и совсем другой голос. Хотя вроде и не атомщика, а тоже «дилетанта», члена крымской ассоциации «Экология и мир» Э. Тихоненкова, замдиректора Института минерального сырья Мингео СССР, кандидата геолого-минералогических наук да еще и народного депутата СССР:

— Да дело-то совсем не в том, какого типа реактор! И не в том даже, какой силы землетрясение будет. А в том дело, что здесь, в этом месте, вообще ничего нельзя было строить, понимаете! Тут, на этом разломе, на этих пльвунах, на этом грязевом вулкане поведение любого объекта совершенно непредсказуемо! Ее, эту АЭС, в любой момент просто-напросто перевернет вверх тормашками. Да вот же все видно на уточненных картах...

— **ВСЕ ВЫСОСАНО ИЗ ПАЛЬЦА!** — квалифицированно гнет свою линию директор Танский. — Нет у них никаких карт и никаких новых данных! Не-ту!

— Но я своими глазами видел их. Да и, если помните, ученые, члены правительственной комиссии то же самое заключили...

— Ученые?! А где ж они были раньше-то, эти ученые? Значит, до апреля прошлого года прежняя сейсмичность в шесть баллов их вполне устраивала, а осенью им уже потребовалось 9 баллов? Они что, за три месяца прозрели на 3 балла? Что это за специалисты?!

А действительно, что за специалисты в комиссии? Может, и они дилетанты? Назовем некоторых: академик, вице-президент АН СССР Е. Велихов; академик, директор Института физики Земли АН СССР М. Садовский; академик, вице-президент АН УССР В. Трефилов; видные сейсмологи, доктора наук В. Трифонов, Н. Шебалин, Г. Рейснер, кандидаты наук Е. Яковлев, Б. Пустовитенко, Э. Тихоненков и другие.

— В общем, так, — подводит итог нашей дискуссии директор. — Независимо от того, что решат с АЭС, мы достроим станцию полным рублем! Плана с меня министерство не снимало...

КОМУ ЭТО НУЖНО?

Вообще-то по-человечески атомщиков, видимо, понять можно. Логикато элементарная: ведь им сегодня согласиться с прекращением стройки, означает признать во всеуслышание, что полмиллиарда наших с вами целковых истрачено впустую. А за это

ведь кому-то и ответ держать надо, кресло терять или еще что-нибудь... Кому ж охота? Выход, стало быть, один — продолжать утверждать, что все делается правильно и — строить дальше.

А для усыпления противников АЭС, всех этих «дилетантов и гуманитариев», уборщиц, настройщиков роялей да гинекологов, словом, «зеленой» общественности, атомщики выдвигают одну за другой все новые и новые идеи перед комиссией и правительством: то одно надо бы доисследовать, то другое, то одних пригласить независимых специалистов, то других, то вот теперь иностранцев. (Кстати, об иностранцах. Прибыли они на стройку и заявили, что для заключения о сейсмичности площадки им потребуются не менее полутора лет. А по плану АЭС должна быть пущена в этом году, и директор Танский, помните, поклялся достроить ее «полным рублем», несмотря ни на что: плана-то с него министерство не сняло... И в таком случае какой же, спрашивается, смысл в выводах иностранцев, когда «полный рубль» будет уже истрачен?)

И вновь так и подмывает дилетантски спросить: кому ж это все надо? Ответ мне, неспециалисту и неатомщику, представляется элементарным: все это нужно для оправдания существования ведомств.

Но — и это еще один наивный вопрос — почему же все это дикое расточительство не пресечет Совмин? Казалось бы, самое время подумать об общенародных интересах. Ведь если столь мощная АЭС в Крыму не нужна, преступно продолжать выбрасывать на нее сотни миллионов рублей (а каждый следующий блок — всего их запланировано четыре — обойдется в полмиллиарда). Зачем эти безумные траты, если не получим отдачи? Ведь это тот же верный источник инфляции, как и в случае с бездарными миллиардными вложениями в мелиорацию, орошение, повороты рек, равнинные гидростанции.

То же самое и с этой АЭС. Но здесь случай особый — затевали стройку «профессионалы», а гигантский риск для всех нас, миллионов дилетантов. Р. Прасолов, доктор технических наук, профессор Севастопольского приборостроительного института, специалист по ядерным установкам, подчитал недавно, пользуясь опубликованными данными, что катастрофа на Крымской АЭС, которая может произойти в любой момент, — это поражение 100—300 миллионов (!) человек от радиации... Это даже не Чернобыль.

А профессионалы-атомщики стоят на своем. С трибуны спецсессии Крымского облсовета, посвященной вопросам экологии Крыма, замминистра Минатомэнерго Е. Решетников разъяснял дилетантам-депутатам «преимущества» строящейся атомной. Однако сессия, выполняя волю жителей полуострова, решила: «...считать необходимым прекратить строительство Крымской АЭС... просить Совет Министров СССР рассмотреть этот вопрос в первоочередном порядке как наказ народным депутатам СССР от Крымской области». (Депутатами был сделан на первом Съезде соответствующий запрос.) Присоединяю и свой дилетантский голос.

Вернулся из путешествия, а сомнения в редакции не исчезли.

— Атомную-то в Крыму вроде прикрыли, слышал?

— Кто сказал? Где было написано?

— Где-то было. В общем, позвони в Крым, проверь.

...Перед сдачей материала позвонил в Крым:

— Какие новости на станции?

— А какие могут быть новости? Строят...

Крымская область.

ТУТ ОДИН РАССКАЗАЛ...

С ТАКОЙ ПАМЯТЮ — И НА СВОБОДЕ?

— А знаешь, кто самый большой любитель анекдотов? Берия.

— Да ну!

— Он их даже собирает.

— Не может быть!

— Точно. Только вместе с теми, кто их рассказывает.

— Говорят, ты сидел?

— Пять лет отрубил, чтоб им пусто было! От звонка до звонка.

— За что?

— Известно — ни за что.

— Врешь. Ни за что не пять, а десять давали.

Высокопоставленному лицу звонит какой-то человек и просит аудиенции.

— Он утверждает, что однокурсник, вместе учился, — докладывает личный секретарь.

— Передайте этому ловкачу, — властно командует супруга, — что Иван Иванович нигде, никогда и ни с кем не учился.

По радио передали официальное сообщение:

— Вчера Н. В. Подгорный принял французского посла за английского и имел с ним беседу.

— Почему не был на последнем собрании?

— Да если бы я знал, что оно последнее, я бы и жену, и тещу, и свояченицу с собой привел.

Однажды Н. С. Хрущев распорядился разыскать и привести к нему человека, который анекдоты сочиняет:

— Пусть он мне их расскажет.

Разыскали, конечно, привели. Встречает его хозяин, ведет в свои апартаменты. Кругом ковры, хрусталь, фонтаны, бассейны с золотыми рыбками, райские птицы поют.

— Вот так, — говорит хозяин ошеломленному гостю, — через десять — пятнадцать лет будут жить все советские люди.

— Простите, Никита Сергеевич, — интересуется анекдотист, — я что-то не пойму, кто из нас кому будет рассказывать анекдоты: вы — мне или я — вам?

В конце семидесятых по Москве прошел слух:

— Старую площадь собираются переименовывать.

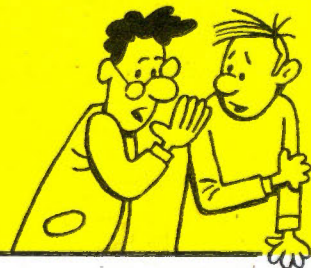
— Да что вы?!

— Площадь Престарелых будет называться.

— Как сейчас помню, в одна тысяча девятьсот шестом году мы встречались с товарищем Сталиным...

— С такой памятью, и — на свободе?!

Из коллекции А. СУКОНЦЕВА.

3. ЮРЬЕВ

Американское зеркало

«НОУ ПРОБЛЕМ»

Американцы улыбки и вежливы. Будь то в магазине, в банке, на вокзале, в аэропорту, на улице, они охотно помогут, если просишь их о помощи. Вместо нашего привычного и угрюмого «нельзя» или в лучшем случае столь же угрюмого «не знаю» то и дело слышишь: ну проблем, ю ар уэлкам, нет проблемы, пожалуйста.

Обстоятельства сложились так, что мне нужно было вылететь из Бостона в Нью-Йорк не в тот день, на который был приобретен билет еще в Москве, а на три дня раньше. Ну проблем, ю ар уэлкам. На какой рейс хотите? Может быть, «шатл»? Вылет через каждый час.

Я был так подавлен простотой решения вопроса и улыбкой девушки, что стоял в тупом молчании. Может быть, хотите поехать поездом? Немного дольше, конечно, но дешевле, разницу мы вам вернем. Может быть, автобусом? Еще дешевле, ну проблем...

Америка — нация продавцов. Мы же, сдается, скорее нация покупатель-охотников. А в охоте на редкую дичь, будь то колготки, колбаса или телевизор, улыбка не нужна. Нужны локти, крепкие ноги для длинных очередей и мрачная решимость во что бы то ни стало добраться до прилавка раньше ближнего своего.

В Америке продавец вне зависимости от его ранга и от того, продает ли он пирожки на улице или самолеты компании «Боинг», окружен уважением. Мы же произносим это слово с чистоплюйским барским презрением: продавать... рынок... фи...

Спору нет, торговля не самое благородное из человеческих занятий. Но стали ли мы от нашего брезгливого снобизма лучше и благороднее? Или наоборот? Да, наверное, ярмарка, в широком смысле этого слова, не лучшее место для философских бесед. Ярмарки, настоящие ярмарки, мы позакрывали. Но вот стало ли от этого у нас больше философов?

Не стану утверждать, что все американцы только и делают, что ведут философские беседы. Но поверьте, я чаще слышал у них разговоры на высокие темы, чем беседы дома о том, где что дают и как достать распредел.

Многие из нас, похоже, все еще пережевывают догматическую и утопическую антирыночную жвачку. И так же, как при введении Лениным нэпа кое-кто рвал на груди френчи и тельняшки, за что сражались, братцы, так и сейчас, почти через семьдесят лет, при слове «рынок» накапывает злоба на ближайшего кооператора. Разве что френчи нынче не в моде, а тельняшки — дефицит...

ИСТИНА В КЛИШЕ НЕ ЛЕЗЕТ

Мы до сих пор жонглируем глупыми старинными клише. Нью-Йорк? Город желтого дьявола. Типичный стереотип. И не потому что в Нью-Йорке не любят денег. Любят. Еще как любят. Но, кроме этого, любят и справедливость, и поиски истины, и благотворительность, и помогают бедным, и борются за мир и окружающую среду, и молятся богу, и влюбляются, и страдают, и умирают.

Недавно по приглашению Гарвардского университета в Кембридже, США, я в течение месяца рассказывал тамошним аспирантам о нашей перестройке, гласности, о роли средств массовой информации в наших революционных преобразованиях.

Времена знаменитого итальянского путешественника Марко Поло, потраченного современниками семьсот лет назад невероятными рассказами о дальних странах, давно прошли. Кино и особенно телевидение приближали к нам самые труднодоступные уголки сразу съезжившейся планеты. И рассказывать поэтому о Ниагарском водопаде или нью-йоркских небоскребах было бы сегодня смешно.

Предлагаемые заметки — это попытка использовать чужую страну как некое зеркало, в котором можно ярче и контрастнее увидеть самих себя.

Клише лживо уже потому, что оно клише. Истина в клише не лезет.

Миллионер? Ну, конечно же, мистер Форд, для вашего высокошего зада, что-то в этом роде. Или красноречивый детина в цилиндре и с длинной сигарой во рту. Поколения наших карикатуристов бездельно прожили жизнь, рисуя этих толстосумов.

Но вот я поднимаюсь в невообразимо роскошном лифте в невообразимо роскошном здании на Атлантик-авеню в Бостоне к президенту и совладельцу страховой компании «Плимут Рок Эшурэнс корпорейшн» миллионеру Джеймсу М. Стоуну.

Рабочий день уже кончился, сотрудников почти нет, и лишь сотни компьютерных дисплеев бесшумно ткут свои цветные узоры.

Кабинетик небольшой, уютный. Странный набор книг — все больше о Римской империи.

Выясняется, что Джим — доктор наук, преподавал в Гарварде, служил в довольно высокой должности в администрации Картера, а потом решил, что хочет попробовать свои силы в страховании.

— Но ведь недостатка в страховых компаниях в Бостоне, наверное, нет? — спрашиваю я.

— Недостатка? — смеется Джим. — Свирепейшая конкуренция!

— Но как же тогда вы... —

— Если у тебя есть голова на плечах, если у тебя есть идеи, как обойти конкурентов, то есть предложить клиентам услуги более разнообразные, доступные, сократить и без того сжатые сроки выплаты страховок, тогда можно не бояться. Мне казалось, что я знаю, как это сделать. Нескольким инвесторам, которым я рассказал о своих планах, тоже. Во всяком случае, они охотно вложили в дело три миллиона долларов.

— А теперь... — Компания процветает и расширяется. Сотрудники у нас патриоты, текучесть кадров рекордно мала — 1 процент.

— Но что все-таки двигало и двигает вами?

— Конечно, прибыль очень важна. Но не это главное. Мне было интересно проверить свои идеи, попробовать добиться успеха там, где это кажется почти невозможным. Это вызов, нечто вроде спорта...

— Стало быть, если бы у вас было денег в десять раз больше, вы бы...

— Совершенно верно. Работал так же, ел бы то же и столько же, жил там же...

Подождал молоденький сотрудник и, назвав президента корпорации Джимом, сказал, что уходит.

— Простите, — сказал я, — если я не ослышался, ваш сотрудник называл вас Джимом?

— Совершенно верно. Конечно, если кто-нибудь назовет меня мистером Стоунум, я отзовусь, но обычно просто Джим.

Еще один пример. Когда с Максом Фрэнклом, главным редактором «Нью-Йорк таймс», мы выходили из здания газеты на 43-й стрит, мои стереотипы подсовывали мне картину

большого черного лимузина, который ждет нас у подъезда. Не «Чайка», конечно, но какой-нибудь «кадиллак» или «линкольн». Лимузина не было. Не было и ливрейного шофера. Главный редактор самой влиятельной газеты Запада с миллиардным оборотом сел за руль собственной скромной «хонды», и мы поехали к нему домой. Я не вытерпел. Мне было больно за моего старинного приятеля. Выжидают, наверное, решил было я и спросил:

— Макс, неужели тебе не полагается машина с шофером?

— Наверное, да. Во всяком случае, у моего предшественника она была. Но одна мысль, что какой-нибудь бездельник целый день будет бить баклуши, поджидая меня... Бр... Нет, спасибо.

Может быть, одна из причин, почему ни Стоун, ни Фрэнкл не боятся за свой авторитет у подчиненных, заключается в том, что оба добились своего положения не по блату, не с помощью мохнатой лапы, не по лийно-чистой анкете, а по делу? По способностям? По таланту?

МОЦАРТ В КОРОВНИКЕ

Что бы делал наш пенсионер, если бы у него была хорошая дача с большим участком и достаточно денег, чтобы добавлять к пенсии столько, сколько нужно? В лучшем случае разводил бы розы, в худшем — писал заявления на соседях.

Мистер Дэвид С. Хьюм был многие годы крупным служащим в знаменитой компьютерной компании «Ай Би Эм», работал даже ее торговым представителем в Восточной Европе, сколотил некий капитал и купил несколько сот акров и дом в тихом и гористом штате Вермонт.

Казалось бы, сиди себе спокойно на своих акрах, пускай мыльные пузыри или воздушных змеев. Ан нет. Завел себе с полсотни коров, пару тракторов и работает на своей фермочке часов по двенадцать в день. Один. И не потому, что денег не хватает. Доход ферма дает небольшой, практически просто себя окупает.

При этом, заметьте, Дэвид человек достаточно культурный, большой любитель оперы, коровы у него носят клички в основном из классического оперного репертуара, есть и Аида, и Травиата, а в коровнике почти постоянно звучит тихая музыка Моцарта. По уверению хозяина, животные предпочитают именно эту музыку.

— Дэвид, — спрашиваю, — для чего вы вкалываете на своей ферме, как каторжник, если она не дает вам серьезного дохода?

Фермер-любитель долго смеется. Наверное, ему кажется, что я удачно сострел. Он просто любит работать, как ни странно это звучит для нас. Он, специалист по компьютерам, любит животных. И не считает себя чу-

даком. И другие на него пальцем не показывают.

Мы провозгласили труд делом чести, доблести и героизма и сделали все, чтобы он стал постылой обязанностью. Они ничего не провозглашали, лозунгов не выдвигали. Но они привыкли работать. И работать хорошо.

В Вашингтоне на К-стрит, в маленьком кафе Макдональдс, я впервые пожалел, что у меня нет видеокамеры. Молоденькая негритянка работала с такой ловкостью, с такой виртуозной быстротой, что мне пришлось съесть в два раза больше, чем хотелось, лишь бы я мог наблюдать за ее веселой работой...

УРОК В ЧАЙНАТАУНЕ

Чайнатаун — китайский квартал в Нью-Йорке. Круглосуточный поток людей, круглосуточно открытые магазинчики, булочные, рестораны, аптеки, киоски. Вывески на китайском и английском языках. Бурление человеческой энергии. Поток жизни.

Немолодая китайка торгует часами и бижутерией. Слегка моросит, и ее лоток прикрыт зонтиком. Маленькие невидимые фонарики освещают разложенный товар.

— Простите, я не покупатель, могу я задать вам несколько вопросов, я из России.

— О да, пожалуйста.

— Вы китайка, как вы уживаетесь в Нью-Йорке?

— Прощу вас, уживаюсь с кем?

— Ну, это все-таки англоязычный город.

— А... Понимаю. Во-первых, сэр, здесь говорят не только по-английски. Здесь говорят на всех языках мира. А потом, вы знаете, сколько в Нью-Йорке выходит газет на китайском языке?

— Нет... — Двадцать шесть! Да, и если я хочу, я иду к китайскому доктору, он выпишет мне рецепт на китайском языке, я иду с ним в китайскую аптеку, и мне приготовят там китайское лекарство...

— Но стоять здесь каждый день...

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Зато мой сын работает в бюро путешествий. А внук учится в колледже. И кто знает, может, он станет как господин Ванг...

Я знаю, кто такой господин Ванг. Это китаец — владелец одной из крупнейших компьютерных фирм, мультимиллионер.

Китайка под зонтиком знает, что все зависит от того, как она будет торговать, как будет продавать туры ее сын и как прилежно будет учиться внук. Она верит в свободную конкуренцию, а свободная конкуренция — враг лихорадочного национализма.

Конечно, межнациональные отношения — область деликатная, и нерешенных в ней проблем в США предостаточно, но главный общий знаменатель при рыночной экономике — это хорошая работа. Преуспевают в основном работники, а не горлопаны, потому что платят за работу, а не за лозунги похлестче.

Кто знает, может, старая китайка с часами «касио» и «сейко» под зонтиком в Чайнатауне могла бы кое-что объяснить нашим воспаленным националистам?

Виола МАРКОНИ
(Мексика)

СВОБОДА

- Вы свободны.
- Спасибо, сеньор.
- Вы свободны.
- Спасибо, сеньор.
- Вы совершенно свободны и можете идти куда угодно и говорить что угодно.
- Большое спасибо, сеньор.
- Почему же вы не говорите все что угодно?
- Я уже сказал.
- Что вы сказали? Когда? Я еще ничего не слышал.
- Я сказал «Большое спасибо».
- Этого мало. Вы можете идти куда угодно, пританцовывая и подпрыгивая от радости в связи с тем, что вы можете говорить все что угодно.
- Я пританцовываю.
- Низко пританцовываете. Вы имеете полное право высоко подпрыгивать на одной ножке, чтобы всем издали было видно, что никто не мешает вам пританцовывать от радости. Вот так. Это уже лучше.
- Скажите, пожалуйста, сеньор, а я могу ненадолго перестать пританцовывать от радости и перейти на шаг? А то я немножко запылся.
- Минуточку. Я должен взглянуть в инструкцию. Так, примечание к статье шестой. «От радостного пританцовывания освобождаются лица, страдающие остаточными явлениями перенесенного в детстве полиомиелита».
- Спасибо, большое спасибо, сеньор. Хоть дух переведу...
- Не смейте переходить на шаг — вы еще не представили справку о наличии остаточного полиомиелита.
- Простите, сеньор, я не знаю, кто вы...
- Я инструктор по обучению населения пользованию безграничной свободой.
- Спасибо, большое спасибо. А скажите, сеньор, инструктор по обучению пользованию, я могу...
- Не можете. Не отвлекайтесь. Подпрыгивайте от радости. Выше, выше, прыгучистее...

Перевел В. ИЛЬИНСКИЙ.

Жозеф ЖОБЕР, Франция
(1754—1824)

При жизни французский писатель Жобер не публиковал свои произведения. После его смерти Шатобриан выпустил книгу Жобера «Мысли», а в 1842 году писатель Де Рейнал — двухтомник, озаглавленный «Мысли, максимы и эссе Жозефа Жобера». С тех пор этот двухтомник выдержал двадцать изданий. Предлагаем вашему вниманию несколько афоризмов писателя.

Новые книги имеют один недостаток: не позволяют нам прочитать старые.

Воображение — это глаза души.

Всегда спрашивайте молодых: они все знают!

Вопросы показывают глубину ума, ответы — его остроту.

Истина без силы и сила без истины: вот что приносит страшные несчастья!

Перевел Игорь ХОМИЛИН.

СМЕХ СКВОЗЬ
СТОЛЕТИЯ

КЛУБ НЕУДАЧНИКОВ

Был, оказывается, и такой. О нем рассказал в 1908 году московский журнал «Русский артист».

«В Нью-Йорке сформирован клуб актеров-неудачников, членами которого состоят сценические деятели, страдающие природными или приобретенными недостатками: косноязычие, шепелявые, слюноточивые, алкоголики, охрипшие певцы, одноглазые, хромые, горбатые и т. д.»

Недавно, — сообщил журнал, — была выдана премия в 100 долларов члену этого клуба, обладающему пятью из упомянутых «достоинств».

...ВСЕ ВОЗРАСТЫ

«Как ни обворожительна свежесть молодости, — писал в 1885 году петербургский журнал «Всемирная иллюстрация» — но тайна женской привлекательности заключается не в ней одной. Напротив, замечено, что женщины, слышавшие неотразимыми и внушавшие сильные страсти, были преимущественно зрелого возраста. История знает немало тому примеров. Уверюют, что Прекрасной Елене было за 40 лет, когда она позволила Парису увезти себя и тем вызвала Троянскую войну. Когда Перикл женился на Аспазии, ей было 36 лет, и после того она еще с лишком 40 лет славилась своей красотой и любезностью. Клеопатре также было за 30 лет, когда она овладела сердцем Антония, и власть эта не ослабевала до самой смерти ее, последовавшей десять лет спустя. Лилия влюбила в себя императора Августа будучи 33 лет от роду, и он оставался ей верен до конца жизни.

Прекрасной Диане де Пуатье было, как известно по новейшим историческим исследованиям, 48 лет, когда она внушила 20-летнему королю Генриху II сильнейшую любовь, не ослабевавшую до самой смерти его. Наконец, знаменитая Нинон де Ланкло была, как уверяют, на 72-м году жизни настолько обворожительна, что молодые люди лишали себя из-за нее жизни».

Прекрасной Диане де Пуатье было, как известно по новейшим историческим исследованиям, 48 лет, когда она внушила 20-летнему королю Генриху II сильнейшую любовь, не ослабевавшую до самой смерти его. Наконец, знаменитая Нинон де Ланкло была, как уверяют, на 72-м году жизни настолько обворожительна, что молодые люди лишали себя из-за нее жизни».

Прекрасной Диане де Пуатье было, как известно по новейшим историческим исследованиям, 48 лет, когда она внушила 20-летнему королю Генриху II сильнейшую любовь, не ослабевавшую до самой смерти его. Наконец, знаменитая Нинон де Ланкло была, как уверяют, на 72-м году жизни настолько обворожительна, что молодые люди лишали себя из-за нее жизни».

Прекрасной Диане де Пуатье было, как известно по новейшим историческим исследованиям, 48 лет, когда она внушила 20-летнему королю Генриху II сильнейшую любовь, не ослабевавшую до самой смерти его. Наконец, знаменитая Нинон де Ланкло была, как уверяют, на 72-м году жизни настолько обворожительна, что молодые люди лишали себя из-за нее жизни».

Прекрасной Диане де Пуатье было, как известно по новейшим историческим исследованиям, 48 лет, когда она внушила 20-летнему королю Генриху II сильнейшую любовь, не ослабевавшую до самой смерти его. Наконец, знаменитая Нинон де Ланкло была, как уверяют, на 72-м году жизни настолько обворожительна, что молодые люди лишали себя из-за нее жизни».

ТАКОВА УЖ
ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

«У нас постоянно и повсеместно, — писала в 1865 году «Земледельческая газета», — слышатся жалобы со стороны сельских хозяев на недостаток в рабочих. Для устранения этого недостатка — с неизбежными его последствиями: дороговизною заработной платы и недобросовестностью рабочих — было предложено многое множество средств, но до сих пор, насколько нам известно, никто не обратил должного внимания на одну меру, которая хотя и не имеет характера универсальной и радикальной, однако тем не менее может в значительном большинстве случаев существенно помочь горю хозяев. Мера эта — возможно большая замена мужского труда женским. Женская работа неоспоримо имеет следующие преимущества перед мужскою. Во 1-х, она гораздо дешевле, чуть не наполовину. А во 2-х, женщина — говоря вообще — нравственнее мужчины и потому добросовестнее его в исполнении принятых на себя обязанностей».

Близнецов («ССС») пестовал В. СТАНДАРОВ.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

«Пинк Флойд»

Давно ли «тех, кто слушает «Пинк Флойд», рекомендовалось «гнать поганую метлой»? Давно ли мы числили британскую группу в «черном списке» за строчки: «Брежнев взял Агрантистан, Бегин взял Бейрут...»?

Тот «заостренный запрет» от недавних концертов «Пинк Флойд» в «Олимпийском» отделяют каких-нибудь пять лет — и целая политическая эпоха. Это и определило направление беседы Крокодила с Дэйвом ГИЛМОРОМ, Ником МЕЙСОНОМ и Ричардом РАЙТОМ.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

КТО СЕГОДНЯ В «ПЛЮСЕ»?

НА СЦЕНЕ — САТИРИКИ

В столице создан новый юмористический театр «ПЛЮС», художественный руководитель которого — Аркадий Арканов. Пользуясь давними творческими контактами с известным сатириком, Крокодил немедленно позвонил ему по телефону.

КР. Аркадий Михайлович, это правда?
А. А. Чистой воды. Кто из писателей не мечтает о собственном театре? Вот и я захотел. Тем более что в 60-е годы мы с Григорием Гориним уже руководили подобным предприятием при Центральном Доме работников искусств — театр назывался «Крошка». Ставили «капустники», всякие пародийные шутки для московской интеллигенции. А теперь, когда открылись такие возможности, театры плодятся у нас, как кролики, грех был бы не использовать шанс. Коллектив создан при производственно-творческом объединении СДК «Союзтеатр».

КР. «ПЛЮС» — это значит «преувеличение, гротеск», так надо понимать?
А. А. Понимать можно как угодно. Тем более что никакого определенного смысла мы в это название не вкладывали. Какой смысл в названии рок-групп «Наутилус Помпилиус» или «Агата Кристи»? Вот и мы просто взяли и назвали. Хотя при желании «ПЛЮС» можно трактовать как аббревиатуру: серьезно — «Писатели, Любящие Юмор и Сатиру», и шуточно — «Подайте Лучшим Юмористам Страны!» Выбирайте, что интересно.

КР. Вы уже дали несколько литературных вечеров в Москве. Значит, театр таким и будет — «литературно-концертным»?
А. А. Надеясь, что как раз наоборот. Если вся работа сведется к концертно-прокатной деятельности, если у театра не будет своего помещения мест на 200, я это дело брошу. Мне хотелось бы создать настоящий театр, где ставились бы настоящие спектакли, — конечно, иронические, полупародийные, полупластунские. Мы заключали бы договоры с известными комедийными артистами и режиссерами — скажем, на 200 представлений. Если спектакль удастся, договор можно пролонгировать, если нет — реализовать другой замысел. В том числе пригласить комиков из-за рубежа. Ставить двуязычные комедии с параллельным переводом и показывать их «тут» и «там». Я хотел бы практиковать литературные бенедысы — например, мой собственный вечер, где и я читал бы свои рассказы, и актеры исполняли бы мои монологи и скетчи, было много музыки, всяких розыгрышей... В общем, любой творческий человек, комедиограф, мог бы осуществить у нас свои оригинальные идеи... К сожалению, нам до этого не так близко. Единственное, что у нас пока есть — номер счета в банке, своя печать и три штатных должности. Надо выбивать «стационар», заработать деньги для реализации постановок... Впрочем, я и мои друзья верим в удачу.

КР. Кто же ходит в «ваших друзьях»?
А. А. Писатель Лион Измайлов взят на ставку главного режиссера. Автор-исполнитель музыкальных пародий Вадим Дабужский. Артисты Ян Арлазоров, Юрий Григорьев и Борис Львович. Эстрадные драматурги Виктор Коклюшкин и Леонид Наталов. Наши «духовные спонсоры» — 16-я полоса «Литгазеты» в лице поэта Павла Хмары и отдел сатиры и юмора «Московского комсомольца» в лице прозаика Льва Новоженова. Надеюсь, теперь и «Крокодил»...

КР. С удовольствием!..
А. А. «Музыкальный момент» в наших представлениях берет на себя ансамбль под управлением Левона Оганезова. И еще примет участие диктор ЦТ Ангелина Вовк.

КР. И последний вопрос: где и когда это ваше «действие» можно посмотреть?
А. А. Думаю, пока придется «нарабатывать капитал» литературными вечерами, лето и осень проведем в гастролье по стране. Кстати, много сейчас разговоров, что юмористы в концертах «хапают бешеные деньги». Ну, так вот, скажу: наша инициативная группа сознательно будет получать в 4—5 раз меньше, чем могла бы, чтобы ПРИПЛЮСОВАТЬ к средствам театра необходимые суммы. (Учитите, что мы еще платим налоги государству, «Союзтеатру».) В общем, зарабатывать лично — для нас не главное. Главное — наш «ПЛЮС». Так что следите за афишами!..

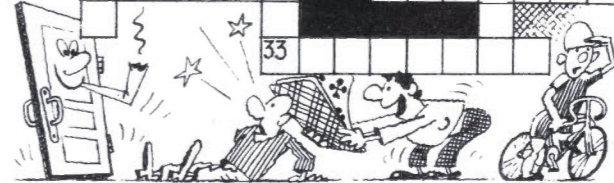
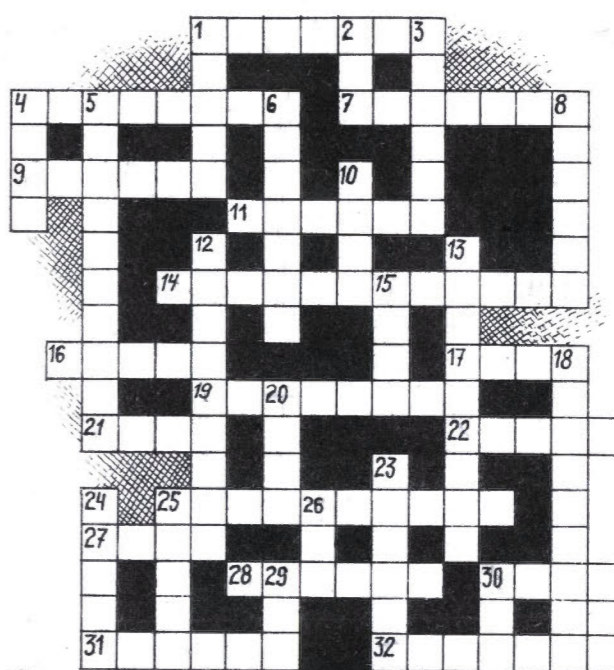
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Река, которой не касалась рука человека. 4. Надводка у подложки. 7. Дверная самокрутка. 9. Пассажирская прихожая. 11. Раскол в горах. 14. Картина сердечных дел (мед.). 16. Продукция с титулом. 17. Проруб на европейском уровне. 19. Полный недоросль (лит.). 21. Форма дыма. 22. Водитель лошади. 25. Средство передвижения по зонам. 27. Материал на крышу. 28. Серебряный при бабушке. 30. Лента, которую повязали. 31. Польский колбасный центр (продмаговск.). 32. Гомежа. 33. Результат бурной деятельности (изыскательск.).

По вертикали: 1. Пернатый с приветом Сталину (песенн.). 2. Субъективная характеристика (недоброжелат.). 3. Человек, которому все ставят (азартн.). 4. Птица, умеющая выступать. 5. Мойдодыр по происхождению. 6. Беззачинное пространство (архит.). 8. Галерея в дугу (архит.). 10. Муза, поглашая в историю. 12. Удар, полученный третьим от второго (итр.). 13. Забойное средство транспортников. 15. Нулик как дворянин. 18. БОМЖ по одежке. 20. Место, где жмут на все педали. 23. Один из выходов политических эмоций. 24. Процесс ликвидации темных пятен. 25. Лучшее для развода. 26. Ударник (картонч.). 29. Вертикаль воюючи. 30. Фрукт с Чунга-Чанга.

Составила
Н. ЗАРОВСКАЯ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 5. Регент. 7. Решка. 9. Мазок. 10. Салун. 11. Перила. 12. Лавина. 13. Мороз. 14. Орел. 18. Джинн. 19. Мошара. 22. Вера. 23. Фора. 27. Добро. 29. «Ералаш». 30. Петров. 31. «Оскар». 33. Забор. 34. Сухар. 36. Узелок. 37. Тряпка.

По вертикали: 1. Грош. 2. Штрафной. 3. Автопост. 4. Аэропорт. 6. Сенсация. 8. Алло. 10. Сказ. 15. Ложа. 16. Армия. 17. Клара. 18. Дрейф. 20. Телемост. 21. Проверка. 23. Поддавки. 24. Крепость. 26. Каюр. 28. Кекс. 32. Кнут. 35. Храп.

ТУРАНДОТ

— О, какая гора писем! Эверест! А это что за горушка и пригорок, Калаф?

— Принцесса, почтительнее докладываю, что Эверестом вы метко изволили назвать ответы на каверзность I степени из № 15. А две еле видные горки — ответы на 2-ю и 3-ю загадки. Вот уж не ожидал от крокодильских читателей, которые просто по определенным обязанностям почтительными и знатоками творчества И. Ильфа и Е. Петрова!

— Калаф, не ехидничайте. Вы радоваться должны, что ныне вам придется блистать эрудацией. Итак, что с 1-м вопросом?

— Пожалуйста, принцесса, беру с вершины Эвереста несколько писем наугад: А. АВРАМЧЕНКО из Нальчика, МАТВЕЕВОЙ Елены (почти 14 лет) из Курчатов, А. В. ОРЛОВА из Димитровграда, Романа Валерьевича ДЕВЯТАКИНА из Новочебоксарка, мастера Ярославского судостроительного завода ВИКУЛИНА В. Н., СЛИПЧУК Ларисы из Канева, Владимира КУЦЕНКО из с. Баган Новосибирской области, САЛАКИНОЙ Юлии из Астрахани...

— Наверное, Калаф, остальные 182 читателя, абсолютно справедливо начислившие себе по 3 балла, простят, если вы на сей раз не упомянете их фамилий... Так как же звучит правильный ответ?

— Цитирую: «В пятницу 15 апреля 1927 года Ипполит Матвеевич...» (гл. I). Одинадцатый стул был добыт от Театра Колумба во время землетрясения 1927 года. Следовательно, охота по меньшей мере за одинадцатую ступеньку происходила в течение 1927 года. На свадьбе же решалась судьба 2-го стула.

В главе XII на вопрос: «Когда же свадьба?» — Остап отвечает: «Послезавтра. Завтра не была. Первое мая — все закрыто». Кроме того, в главе XIV Остап подтверждает: «Завтра моя свадьба». Это происходит 1 мая, после трамвайных торжеств.

И, наконец, зная, что 15 апреля — пятница, легко установить: свадьба состоялась в понедельник 2 мая 1927 года.

— Весьма изящный ответ на три балла. А как обстоят дела с шестibalльной каверзностью?

— Знаете, принцесса, даже хуже, чем с девятибалльной. Лишь несколько отгадчиков вспомнили **туного писателя в детской курточке**, который, мчась в литерном поезде на смычку рельсов Восточной Магистральной, писал по рассказу в день, следуя принципу: «Раз бумага существует, то должен же на ней кто-то писать».

Л. П. МЕДВЕДЕВ из Москвы сообщает вам, милая Турандот, что прообраз персонажа из «Золотого теленка» — писатель Ефим Зозуля. А вот прообраз его образа мысли никем не угадан, тогда как содержится он в I главе **вольтерского «Кандида»**, откуда и взята цитата № 15.

— А что с каверзностью III степени?

— Получше. Девять баллов заслужено присудили себе 19 читателей. Вот послушайте, например, РУСТАМА, к сожалению, не указавшего фамилии, из Пархара Таджикской ССР: «Протокол гуара-схимника из «Двенадцати стульев» — Александр Ксавьерович Булатович (1870—1919), один из крупнейших исследователей Абиссинии (нов. назв. — Эфиопия), первый европеец, проникший в «африканский Тибет» — таинственную Кафруну. От себя добавлю, что дворянин, гробовщик, губернатор боролся вместе с абиссинцами с итальянскими захватчиками и даже заслужил высшую римскую награду — золотой щит с саблем».

— Благодарю вас, мой принц, референт. Думаю, что горушка и пригорок — следствие отпускового загораживания наших читателей, которые просто не захватили в дорогу любимые книги. Но лето — на излете, поэтому считаю, что новые вопросы вдохновят хорошо отдохнувших эрудитов, особенно тех, кто увлекается поэзией.

ЗАГАДКИ

Каверзность I степени

«Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахчиских, шатаюсь на Пегасе,
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад,
Нет, нет — вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе».

Что за племянник, отказывающийся от более тесного родства?
(3 балла).
А. КОРНЕЕВ, Москва.

Каверзность II степени

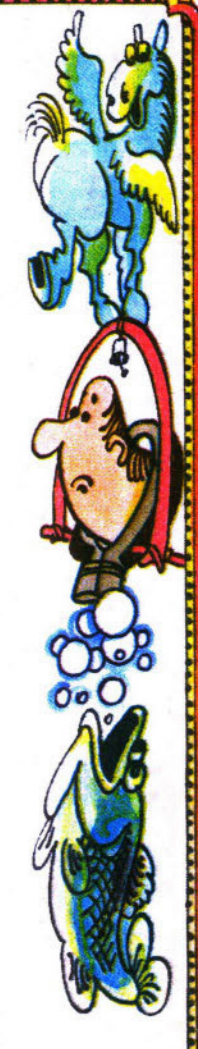
«Шея ближнего издревле
всех возможных экипажей
и удобней и дешевле».

Весьма тонкое поэтическое наблюдение! Кто этот автор, который любил «разминаться» стихами перед тем, как приступить к серьезной прозе, сделавшей его знаменитым?
(6 баллов).
А. БЕЙЛИН, Москва.

Каверзность III степени

«Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приволил.
И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил».

В этом действительности кое-что не соответствует действительности. В чем ошибка поэта?
(9 баллов).
Н. СЕЛИВАНОВ,
пос. Орловка Киргизской ССР.

Да что же это происходит с нами, дорогие товарищи! Рискавая свернуть себе шею, пацан взобрался на высоченный поручень, чтобы прочитать любимый «Крокодил», а мы хоть бы хны, ни в зуб ногой. Неужели родители не могут выписать себе и ребятенку увлекательный журнал? Безобразие! Куда только смотрят общественность и «треугольник»? Уважаемые товарищи! Не рискуйте здоровьем своих потомков, выписывайте сатирический, юмористический, политический, перестроечный журнал «Крокодил»! Я больше не могу смотреть, как этот пацан балансирует на железяке, бегу на почту.

Сфотографировал
и написал Г. ЕЖЕЛОВ,
г. Николаев.

ОТ КРОКОДИЛА.

Мне, признаться, всегда как-то не по себе, когда приходится заниматься саморекламой. Но в этом письме, клянусь гласностью, я не прибавил и не убавил ни буквы. Спасибо, Георгий Георгиевич!